

Ольга Фокина: „Нам надо быть русскими!“

ИМЯ ЭТОЙ ПОЭТЕССЫ давно и хорошо знакомо читателям Вологодчины. И оно по праву называется в одном ряду со знаменитыми земляками — такими, как Александр Яшин, Николай Рубцов, Виктор Коротяев, Сергей Якулов, Александр Романов... Поэтому каждая новая встреча с ней дарит приятные неожиданности, радость общения с нестандартной личностью.

На этот раз мы увиделись с Ольгой Александровной в канун нового года. Первый вопрос для нее оказался несколько непривычным:

— Люди знакомы с Ольгой Фокиной, как с поэтом, читали Ваши стихи, общались с Вами на тематических вечерах. Но мало кому знакома Ольга Александровна как обычная женщина, просто как человек, у которого есть своя жизнь, семья, интересы.

— Я — совершенно обыкновенный человек, как и все окружающие меня люди. Потому что мне приходится заниматься с абсолютными темами же делами, что и любой домашней хозяйке, любой матери. И в магазине стою в очередях, и в квартире прибираюсь. Потому что пока дети у меня студенты, все хозяйство лежит на мне. Единственное, что меня, может быть, отличает от других, это то, что я позволяю себе временами уноситься в какие-то дальние воле поминаний о детстве, мечтаний о будущем, которые воплощаются в стихах и песнях. Вот и все.

— Ну, а любимое занятие в свободное время у Вас есть?

— У всех имеется свои хобби. Стихи, конечно, — это моя работа. Во время отдыха же я очень люблю читать. Вот только что познакомилась с очерком Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой». Великолепная книга! Ведь мы об этом поэте знали довольно мало, только лишь в связи с ее недавним юбилеем — 100-летием со дня рождения — стали заметно больше говорить о ней и ее работах. Ее судьба, женская судьба в отечественной литературе очень характерна для судьбы России. Лично меня она очень потрясла, вот уже вторую неделю я

торые Вы испытываете при соприкосновении с родной природой, они очень заметны и в Вашем творчестве. Вы их как-то образом «перевариваете», пропускаете через себя, прежде чем изложить на бумагу?

— Нет, чисто о природе я редко когда пишу.

— Но она чувствуется едва ли не во всех Ваших стихах. Как же так получается?

— Понимаете, я через природу стараюсь показать нашего человека, сельского труженика и прежде всего — женщину. Потому что для меня образ крестьянки, колхозницы, которой была моя мама и ее ровесницы, — это очень важный образ. Я ведь, собственно говоря, и в литературу пошла для того, чтобы рассказать о них, показать всеми своими силами, насколько они достойные люди, насколько высокой чистоты и нравственности их устремления. Они для меня все время служат жизненным ориентиром. К их опыту я всегда обращаюсь, когда в жизни приходится туго. И обретаю, поверьте, какую-то устойчивость.

Вот о них я хочу рассказать стихами и песнями, о себе же пока и не говорю. Я пока отдаю долги, долги памяти и боюсь, что их еще не отдаю. Может быть, о себе так и не придется сказать. Впрочем, буду надеяться на дочку.

— Она тоже не безразлична к поэзии? Пытается писать?

— Да, и уже печаталась в двух коллективных сборниках. Большой подборка, на целую полосу, была напечатана в «Вологодском комсомолец». Я не беру пока предвосхищать события, но, может, и отдельный сборничек выпустит. Пока же она учится в институте, много читает, осваивает толстые тома мировой литературы.

— А Вы сами каким образом вошли в мир творчества? Когда подыскали первый опыт?

— Да, и уже печаталась в двух коллективных сборниках. Большой подборка, на целую полосу, была напечатана в «Вологодском комсомолец». Я не беру пока предвосхищать события, но, может, и отдельный сборничек выпустит. Пока же она учится в институте, много читает, осваивает толстые тома мировой литературы.

— А Вы сами каким образом вошли в мир творчества? Когда подыскали первый опыт?

— Все дело тут — в нашей маме, которая хоть и была простой крестьянкой, но окончила четыре класса церковно-приходской школы и для своего времени считалась довольно грамотным человеком. Она очень любила литературу. Собственно говоря, и нас, пятерых детей, от книги не отживала, хотя воспитывала одна. Отец-то у нас погиб на войне в 43-м. Мама сама помнила очень многие стихи, и в нас воспитала чувство любви к ним, вообще к литературе. А чтение в ту пору по существу было единственной связью с миром, ни радио, ни телевидения не было. Жили мы в глухой деревеньке — в 150 километрах от ближайшей железнодорожной станции. Все хотели и любили учиться. Это была для нас дорога к свету...

Вот сейчас нередко говорят о плохом преподавании литературы, это, конечно, не авиально делается. Нет, если есть тяга, все будет интересно. Я, например, еще первоклассницей могла взять учебник геометрии и с удовольствием читать предисловие к нему при свете торшера. Меня увлекал сам этот процесс.

А сочинять я начала довольно рано. Потому что когда слышала песни, невольно подбирала на этот мотив свои слова. Вот где-то в пять-шесть лет и уже сочиняла стихи про судьбу, отца, маму. Я очень хотела, чтобы мама была счастлива...

Печататься начала в 17 лет. Первые стихи появились в архангельской молодежной газете «Свердловский комсомолец». Цитата их, конечно, гораздо раньше, будущи школьницей. Пыталась подражать Исаковскому, Некрасову. Первая же публикация — фельетон «Лекция» — копировала манеру Владимира Маяковского.

Что касается первого сборника, то он вышел после окончания Литературного института имени Горького в Москве в 1962 году. Под названием «Сыр-бор» он был напечатан в издательстве «Молодая гвардия». Принимала участие в IV Всесоюзном совещании молодых писателей и поэтов. А вскоре после этого меня по одной только книжке приняли в Союз писателей СССР, хотя требовалось обычно три. Но тогда были другие времена, и талант измерялся не количеством, а качеством произведений...

Со мной в ту пору учились многие замечательные ребята. Но как-то так получилось, что я «обсканала» всех. Во всяком случае лауреатом из наших никто больше не стал. Мне очень повезло, потому что училась у замечательных мастеров, да и в Вологде много нашлось доброжелателей. Жаль, что с годами их становится меньше, и теперь уже мне самой приходится подумывать о поддержке молодых талантов. Это — святое, благое дело, только не всегда мы бываем готовы к нему.

— Все дело тут — в нашей маме, которая хоть и была простой крестьянкой, но окончила четыре класса церковно-приходской школы и для своего времени считалась довольно грамотным человеком. Она очень любила литературу. Собственно говоря, и нас, пятерых детей, от книги не отживала, хотя воспитывала одна. Отец-то у нас погиб на войне в 43-м. Мама сама помнила очень многие стихи, и в нас воспитала чувство любви к ним, вообще к литературе. А чтение в ту пору по существу было единственной связью с миром, ни радио, ни телевидения не было. Жили мы в глухой деревеньке — в 150 километрах от ближайшей железнодорожной станции. Все хотели и любили учиться. Это была для нас дорога к свету...

— А наша конкретная действительность, можно сказать, — суровая...

— Я бы сказала — трагическая!

— Да, так вот она как-то накладывает оттенок на Вас, как на литератора?

— Безусловно. Я, конечно, стараюсь не писать на политические темы. Но для того, чтобы не сойти с ума, иногда приходится выговариваться. Правда, я не считаю такие стихи поэзией, потому что из

Ведь все еще крепка привычка, что описать надо нас...

— Вы часто встречаетесь со своими читателями. Это человеческое желание не подкаблывает новые темы, новые работы?

— Знаете, на меня ведь внешние факторы действуют довольно мало, потому что я работаю как бы изнутри. Но толчки, конечно, могут быть. Вот например, могу вспомнить одну из своих любимых вещей — «Сыпь, снежок» — написанную о доярке Григорьевой Алексее Ивановой. Это — результат моей поездки к ней в составе группы журналистов. Меня тогда поразила девичья фамилия героини — Пылаева. Так и родилось стихотворение...

Но в основном же я — родом из детства. Из молчания я, не по крошечки собираю материал.

— Несколько раз Вы базали и у нас в районе. Эти вот грязоведческие ощущения каким-то образом не отражаются в Ваших последних творениях?

— Наверное, следует все же встречаться с человеком, а не с залом. Зал, конечно, приятен — аплодисменты и в тот же миг прозерка своего материала на людях. И все-таки эстрада и книга — несколько разные вещи. Чаще всего бывает так, что лица людей в зале мы не видим, воспринимаем, как сожалеению, как маску. А впечатление от тесного дружеского общения совсем другое. Я не журналист, схватывать на лету что-то общее не могу. Мне надо вживаться в образ, в природу. Для меня даже ягода вкусна только та, которую я сорвала сама и с того куста, который мною любим. Я очень привержена к своему родному...

— То есть получается, что поэт ближе всего по духу к артистам? Ведь им чаще всего требуется перевоплощение.

— Не знаю, вряд ли. Я ведь не перевоплощаюсь в образы. Я пишу так, как себя ощущаю. Поэтому что стараюсь писать о том, что мне близко, родственно.

— А наша конкретная действительность, можно сказать, — суровая...

— Я бы сказала — трагическая!

— Да, так вот она как-то накладывает оттенок на Вас, как на литератора?

— Безусловно. Я, конечно, стараюсь не писать на политические темы. Но для того, чтобы не сойти с ума, иногда приходится выговариваться. Правда, я не считаю такие стихи поэзией, потому что из

сегодняшней действительности трудно сделать поэзию. Тем не менее отклик на это у меня есть, и их много.

А вообще-то, по правде сказать, хочется писать сочное, мягкое, гармоничные, добрые стихи на вечные темы. О любви и о природе. Боюсь только, что не скоро такое время настанет. Потому что все равно внутренне взрываюсь, читал противоречивые умозаключения демократов и коммунистов. Мы стараемся быть где-то в серединке, так как поэт должен примирять действительность. Но это дается очень тяжело. И приходится выбирать какую-то крайнюю позицию. Третьего не дано, не получается.

— А какого читателя Вы любите и хотите видеть?

— Непредвзятого! Что бы он не думал, что я пишу ради денег или славы. Ведь я пишу совершенно открыто, ничего не оставляю за душой.

Поэт, писатель — существо довольно одинокое. И когда мы вот так пишем, открываемся «на деревню дедушке», как Ванька Жуков, мы обретаем невидимых друзей. Пусть не соратников, но — сочувствующих. И вот благодаря этому, одиночество преодолевается.

— И в заключение. Ольга Александровна, что бы Вы хотели пожелать нашим читателям, которые видят этот номер газеты в первый день Нового года, 1993 года?

— Хорошие слова сказал как-то в одном из выпусков «Кинопанорамы» Виктор Боков:

«Лес стоит — никому не нужен,
Храм стоит — никому не нужен,
Я стою — никому не нужен.

Что ж нам делать? Стоять на своем!»

Я думаю, что устоять сейчас под этим ураганом ветром, дующим с разных сторон, выстоять, как деревцу, уцепившись корнями за родную почву, за родные свои устои, не поддаться усиленной пропаганде — самое главное. Конечно, может, со всем и не лишне, что нас так дует. Может, тогда и укрепимся в своем, пойдем, что — хорошо, что — плохо. Но при этом важно, чтобы нас с корнями-то не вырвало из родной земли. Потому что любой человек, мне кажется, должен именно любовью к «отеческим гробам» и к родному пепелищу. Нам не надо американизироваться, нам надо быть русскими. Остаться русскими...

С гостьей беседовал В. ПЕРШАНОВ.

© Игорь Годовиков, 1993 г.
Я люблю ёлки — зеленеть, не уезжать!
Люблю людей — не песни петь!
Ольга Фокина